

В этом очерке речь пойдёт о Фёдоре Ивановиче Завалишине. Его имя вошло в учебники Мордовии, а вот для многих жителей села Кулевчи Варненского района Челябинской области, где он родился, в памяти остался как учитель Кулевчинской школы и брат писателя-драматурга Александра Ивановича Завалишина.

Фёдор Иванович Завалишин прожил короткую (всего 30 лет), насыщенную событиями жизнь, и, чтобы воссоздать его образ, характер, место в истории села Кулевчи, роль в культурной жизни Мордовии, мне пришлось перелистать семейные архивы, заметки моего брата Деревянченко Анатолия Александровича, письма и воспоминания брата и сестры Фёдора Ивановича, его племянника, земляков – очевидцев тех событий, метрические книги кулевчинской Казанско-Богородицкой церкви в архивах Челябинска и Оренбурга, книгу Владимира Серафимовича Кобзова «Варна сквозь призму времён», Анатолия Инчина «Круты берега Черноталки», монографию Юрия Александровича Мишанина и другие источники.

Коротко о заселении Кулевчинского и Катенинского посёлков

Изучая свою родословную по метрическим книгам архивов Челябинска и Оренбурга, я дошла до тех населённых пунктов Оренбургской губернии, в которые из разных губерний России переселились мои и многих кулевчинцев предки.

Предки по моей бабушке – маминой матери – Завалишины вместе с другими однодворцами переселились из Воронежской губернии в Городище близ Оренбурга в 1829 году, а оттуда уже в Катенинский посёлок. Предки же многих кулевчинцев, а также и мои предки по материнской линии со стороны её отца (Черняевы) – мордовские ясач-

ные крестьяне из Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне Белинский район Пензенской области) из-за недостатка земель решили переселиться в Оренбургскую губернию в 1831 году.

Прошение от 28 апреля 1831 года о переселении 466 душ было составлено поверенным Сергеем Кузьминым (Балаевым Сергеем Кузьмичом), где он просит разрешение графа Сухтелина поселить на правом берегу в устье реки Донгуз 310 душ мужского пола, а остальные 156 по изготовлению места поселения. Переселенцы в первых числах марта последовали на открытое место, засеяли яровые и начали обустраивать места для своих семей. Не сразу был разрешён вопрос с их переселением из Пензенской губернии в данное место Оренбургской, но в конечном итоге образовалась деревня, которую назвали Сергеевка по имени первого просителя-поверенного Сергея, которую позже переименовали в Верхнюю Павловку Новокардаиловской волости Оренбургского уезда Оренбургской губернии. В 1836 году мордовские ясачные крестьяне Верхней Павловки были переведены в казачье сословие. Мордва к этому времени была крещена и исповедовала православие.

Кроме Верхней Павловки была ещё Нижняя Павловка на левом берегу устья реки Донгуз, образованная в 1830 году из однодворцев трёх губерний: Воронежской, Тамбовской и Тургайской. Крестьяне Воронежской губернии переселялись дважды: сначала в Омскую губернию, а потом из неё в Оренбургскую. В архивных документах сначала фигурирует название не Нижняя Павловка, а деревня Зацепино (скорее всего, также по фамилии первопоселенцев), ещё встречается как сельцо Павловка. Начиная с 1836 по 1842 год, однодворцы и ясачные крестьяне Верхней и Нижней Павловки, а также и Городища были переведены в казачье сословие. После принятого проекта строительства

Новой линии укреплений на востоке Оренбургской губернии для предотвращения набегов кочевников началось внутреннее переселение казачьих отрядов с семьями из разных станиц Оренбургской губернии на новые места. Новые населённые пункты Новой линии были сначала номерные, а позже названы в честь победы русского оружия.

Так и посёлок Кулевчинский назван в честь победы русской армии над турками в 1829 году в очередной русско-турецкой войне близ населённого пункта Кулевча в восточной Болгарии. В Кулевчинском сражении близ болгарской Варны принимали участие и казаки Оренбургского казачьего войска. Катенинский посёлок назван в честь генерала-губернатора Александра Андреевича Катенина.

Доктор исторических наук Владимир Серафимович Кобзов на основе архивных документов в книге «Варна сквозь призму времён» пишет, что заселение Кулевчинского посёлка шло в три этапа. В 1842 году первым этапом заселился калмыцкий отряд, в 1854 году вторым этапом посёлок заселили жителями полностью выселенного Софийского выселка (из-за отсутствия пригодной питьевой воды) и на третьем этапе в 1857 году – мордовским отрядом с семьями из Нижней Павловки Новокардаиловской волости Оренбургского уезда.

А в 1857 году недалеко от Кулевчинского посёлка выше по реке Караталы-Аят переселенцами казачьих семей из городищенской станицы Оренбургского уезда (в числе которых была и семья Завалишиных) организуется посёлок Катенинский.

Оба этих посёлка относились к Николаевской станице Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, где в 1836–1838 годах была построена крепость с храмом Святого Николая Чудотворца (которая сохранилась, восстановлена и действует в данное время).

Первое название населённых пунктов, которое встречается в метрических книгах за 1857 год, по походной Богородицкой церкви – это Кулевчинский отряд, Катенинский отряд и другие отряды, а позже уже идут записи с названиями: посёлок Кулевчинский, посёлок Катенинский и другие. В 1906 году в Кулевчинском посёлке была построена деревянная Казанско-Богородицкая церковь, в Катенино церковь построена позже, поэтому записи о рождении, браке и смерти производились в метрических книгах Кулевчинской церкви.

Со временем калмыки покинули посёлок, и основное население Кулевчей по национальности было мордва (мокша). В мордовских семьях говорили на мокшанском языке, но в начальных казачьих школах, построенных во всех посёлках Николаевской станицы, обучение было на русском языке, поэтому дети знали тот и другой язык.

Чуть позже население посёлка пополнилось переселенцами из разных мест как Оренбургской, так и других губерний. А в начале 20 века посёлок пополнился украинскими переселенцами с отведённых для них участков вокруг посёлка при пере-

селении с Украины. В их числе был и мой отец, переселившийся в 1927 году из Житомирской области со своим отцом и тремя братьями на участок недалеко от Кулевчей вниз по течению реки Караталы-Аят.

Из родословной Завалишиных

Итак, выяснилось, что Завалишины переселились из Воронежской губернии в Городище Оренбургской губернии. Потомок из этого рода Завалишиных – Анисим Семёнович, родившийся в 1837 году в семье городищинского однодворца Семёна Поликарповича, перейдя в казачье сословие, вместе с отрядом прибыл в 1857 году на Новую линию.

В 1859 году катенинский казак Анисим Завалишин взял в жёны дочь мордовского кулевчинского казака Пахома Никитича Мустаева – Марию. Первое время они жили в Катенино, а после рождения дочери переехали в Кулевчинский посёлок к родителям Марии Пахомовны. Семья Завалишиных увеличилась, и они построили на берегу реки Караталы-Аят землянку. Мария родила шестерых детей, но четверо умерли в младенчестве. Очередная русско-турецкая война не обошла стороной и кулевчинских казаков. Пока Анисим Семёнович воевал с турками, дети с матерью часто были у деда с бабушкой и, конечно, хорошо знали мокшанский язык. После войны Анисим, получив ранение, вернулся инвалидом, ходил на коленях, ноги его были парализованы и не разгибались. Родили ещё двух дочерей. Дети подрастали. Из четверых детей русского Анисима Семёновича Завалишина только дочь Дарья вышла замуж за катенинского казака, остальные дети выбрали вторую половину из мордовских семей. Сын Иван Анисимович Завалишин взял в жёны кулевчинскую мордовку Каштаеву Акилину Капитоновну. Ещё две дочери вышли замуж за мордовских кулевчинских казаков, в том числе Пелагея Анисимовна вышла замуж за мордовского казака Черняева Филиппа Феокистовича (это родители моей мамы – мои бабушка и дедушка по материнской линии).

Дочери Анисима и Марии после замужества жили в семьях своих мужей, а семья Ивана Анисимовича – в землянке с родителями, помогая отцу – инвалиду управляться с хозяйством. В то время все семьи были многодетные, вот и в семье урядника Ивана Анисимовича Завалишина – участника русско-японской войны и его жены Акилины Капитоновны было рождено семеро, но выжили четверо детей: Александр, Анна, Фёдор и Мария.

Старший сын Ивана Анисимовича – Александр Иванович Завалишин (будущий писатель-драматург), работая в Оренбурге, вёл дневник, в котором часто вспоминал детство:

«Главное занятие жителей нашего посёлка – хлебопашество и скотоводство, так что каждый мальчик-подросток лет с 8–9 помогает отцу

на хозяйстве: на пашне служит погонщиком, а дома скотину убирает. Каждый мальчик-подросток, безразлично: богатый ли он, средний или бедный, проходит курс хлебопашества и скотоводства, пока сам не становится большим, сосредотачивая в себе всю рабочую силу семьи. Дети же очень бедных родителей, обыкновенно в этом возрасте, отдаются в работники к богатым жителям, пока не настанет время идти им в лагерные сборы». В юношеском дневнике он писал, что очень скучал по матери, сёстрам и особенно по младшему брату Фёдору.

Фёдор Иванович

«Ростом он был высокий, сутулый и худой. Носил очки, вернее пенсне. На брата Александра Ивановича не походил... Фёдор сильно кашлял. Вся его внешность, голос, взгляд был не открытый, а в самом себе...»

Таков словесный портрет Фёдора Ивановича Завалишина из воспоминаний Евдокии Петровны Велиной – кулевчинской комсомолки 1920-х годов.

Завалишин Фёдор Иванович родился в 1895 году 18 сентября по старому стилю (1 октября по новому стилю). По национальности мордвин, как и основное население посёлка.

После окончания начальной школы в посёлке Фёдор готовился поступать на педагогические курсы.

Вот как в своём дневнике его старший брат – Александр Иванович Завалишин – описал трогательную встречу с братом Фёдором, когда в 1908 году из Верхнеуральска на лошадях направлялся на станцию Златоуст, уезжая в Оренбург:

«Моё настроение смущало свидание с любимым братом, который готовился в посёлке в учительскую школу. Он не знал о моём отъезде, почему я был уверен, что прощание с ним произведёт на меня тяжёлое впечатление. Вечером приехали в посёлок. Заходя к брату, моё настроение сразу переменялось: «Как я расстанусь с ним», – мелькнуло в голове у меня. При моём появлении он зубрил: «Балтийское море омывает западные берега».

– Ах, Саня, – увидев меня, крикнул он, – ты зачем сюда? Надолго ты едешь? – спросил он, волнуясь, – не совсем ли?

– Да, – проговорил я и еле сумел сдержать подступившее рыдание...

Брат повис мне на шею с горьким плачем: «Ты больше не приедешь?! Я поеду с тобой», – говорил он в слезах.

Я успокоил его, как мог, дал ему из бывшего у меня капитала (в пять руб.) двадцать копеек и тронулся в путь...».

В тот год Фёдор поступил на двухгодичные педагогические курсы в уездном городе Верхнеуральске.

Более подробное описание того периода в жизни Ф. И. Завалишина приведу из книги В. С. Кобзова «Варна сквозь призму времён»:

«Во время учёбы на педагогических курсах у Фёдора Завалишина неожиданно обнаружилась тяга к музыке, и после прослушивания его зачислили в состав войскового оркестра при штабе Оренбургского казачьего войска, где его заметил профессор Саратовской консерватории С. М. Козолупов...

Во время одного из приездов он обратил внимание на Фёдора Завалишина и убедил Наказного атамана генерал-лейтенанта М. С. Тюлина отправить его за войсковой счёт на учёбу в Саратовскую консерваторию. Как следует из обнаруженного в Российском государственном военном архиве приказа от 5 августа 1916 года, Завалишин получил «отсрочку по отбытию воинской службы для окончания Саратовской Алексеевской консерватории».

Если сопоставить даты поступления на двухгодичные педагогические курсы в 1908 году, время обучения на курсах и приказа от 5 августа 1916 года, получается, что Фёдор состоял в войсковом оркестре при штабе Оренбургского казачьего войска примерно лет пять.

Далее пишет В. С. Кобзов:

«С начала учебного года Фёдор обучался в Саратове, в классе, которым руководил профессор С. М. Козолупов. Учёба шла успешно, и никто не сомневался, что вскоре войсковой хор и оркестр Оренбургского казачьего войска обретут талантливого музыканта.

Но окончить Саратовскую консерваторию Фёдору Завалишину не удалось. 1 января 1917 года он был призван на военную службу, ровно через год, 1 января 1918 года, по представлению заведующего войсковым музыкальным хором он произведён в младшие урядники.

С приходом в край советской власти он вернулся в родной посёлок, где включился в работу местного Совета».

Фёдор Иванович привёз массу новостей, которые одновременно взбудоражили одних и заставили насторожиться других кулевчинцев. Как и во многих станицах, была бедная и богатая прослойка казачества.

«Общее собрание солдат Кыштымского завода, – рассказывал он, – приняло решение передать всю власть в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Собрание послало приветствие Владимиру Ильичу Ленину... Рабочие и солдаты приняли на митинге резолюцию: «Защитить Советы рабочих и солдатских депутатов и Рабоче-Крестьянское правительство, и только их постановлениям будем подчиняться...»

Слушали его кулевчинцы и думали, чем обернётся для них новая власть?..»

Ему приходилось выступать с разъяснениями на митингах, ездить с лекциями «по текущему моменту», встречать прибывающие с фронта полки и сотни. Работы было много.

Осенью 1918 года Фёдор Иванович был приглашён на работу во вновь открывшееся в посёлке высшее начальное училище II ступени.

О работе Фёдора Ивановича в Кулевчинской школе я нашла в письме учителя высшего начального училища II ступени Нагаева Павла Ивановича, преподавателя математики, географии и французского языка (копия письма, датированная 1967 годом, была в архиве моего брата). В нём говорится, что с октября 1918 года в посёлке открылось высшее начальное училище II ступени, заведующим которого был Велин Пётр Лаврентьевич (он преподавал русский язык и физику).

Фёдор Иванович Завалишин вёл уроки пения, рисования и гимнастики.

Кроме того, он вёл занятия в драматическом кружке, руководил постановкой пьес, в спектаклях играл заглавные роли. Ставили пьесы Н. В. Гоголя – «Ревизор», Н. А. Островского – «Грозу» и «Бедность не порок».

Из воспоминаний Марии Ивановны Завалишиной – младшей сестры Фёдора Ивановича:

«Дружный коллектив учителей – односельчан, в лице Каштаева Вукола Степановича, Нагаева Павла Ивановича, Велина Михаила Лаврентьевича и Фёдора Ивановича Завалишина, перестраивал расписание уроков: вместо закона божьего ввели урок труда, на котором пилили дрова для школы, рукодельничали. Нужно было проводить большую работу среди родителей, чтобы доказать необходимость учёбы для молодёжи. Каждый доклад сопровождался выступлением кружков художественной самодеятельности, которыми руководил Фёдор».

В 1919–1920 годах в составе исполкома станичного Совета Фёдор Иванович возглавлял отдел культурного строительства.

В 1920 году близ Кулевчинского посёлка была организована коммуна. В первые годы Советской власти, после революции и гражданской войны, наверное, это был один из способов выжить беднякам и середнякам, объединившимся в коммуны, которые потом были преобразованы в колхозы.

О коммуне на основе воспоминаний бывших членов коммуны, с которыми встречался и переписывался мой брат Деревянченко Анатолий Александрович, в 1983 году в районной газете «Советское село» от 21 мая была напечатана его статья «Коммунары».

Велина Елизавета Григорьевна – одна из членов коммуны имени первого наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского (позже она, закончив совпартшколу в г. Москве, работала прокурором в г. Серпухове) – вспоминала:

«Коммуна им. А. В. Луначарского была организована весной 1920 года. В неё вошло 20 семей и 6 человек – одиночек: 2 девушки и 4 парня, всего в коммуну вошло 75 человек. Большинство коммунаров были бедняки, вдовы с детьми и одна семья середняка – Бабина Андрея Савельевича. Организаторами и руководителями коммуны были Макла-

ков Василий Иванович – председатель, Пятин Иван Васильевич – его заместитель, Черняев Дмитрий Дмитриевич – секретарь и казначей. Деятельное участие в организации коммуны принимал старый коммунист Маклаков Михаил Ефремович и Завалишин Фёдор Иванович...

Когда коммунары переехали на новое место, Фёдор Завалишин написал письмо народному комиссару просвещения Луначарскому. В письме сообщал о создании коммуны, носящей его имя. Анатолий Васильевич ответил скоро, поблагодарил кулевчинцев за высокую честь и пожелал успехов новому хозяйству.

Вскоре из Москвы пришла большая посылка: Луначарский прислал коммунарам книги Л. Толстого, М. Горького, А. Чехова и политическую литературу. Это были брошюры с текстами выступлений почти всех народных комиссаров.

Фёдор Иванович был частым гостем в коммуне, и ему всегда были рады. Он читал лекции для коммунаров о важных событиях в соседних станицах, в губернии, в стране и о международном положении.

Коммунары после таких выступлений мирились с несытной жизнью, нехваткой одежды и обуви. Понимали: это временно, главное – надо выжить, одолеть все беды.

К началу зимы 1921 года коммуна разместилась в новом саманном доме, с длинным коридором и небольшими комнатами. Выделили в построенном здании комнату под столовую-клуб и класс для школы.

Керосин в коммуне считался большим дефицитом, отпускали его только на две маленьких лампы для столовой-клуба. Туда на огонёк семьями шли коммунары. Занимались своими делами. Дети после занятий играли в уголке, женщины вязали и пряли, чинили или шили одежду, бельё. Мужчины подшивали валенки, чинили сбрую, инвентарь. При этом пели песни, рассказывали разные были и небывлицы. Вспоминали о своих боевых походах и лихих налётах в годы минувшей недавно войны, пели старинные мокшанские песни. Старались говорить на мордовском – так советовали братья Завалишины, Александр и Фёдор, и учитель А. И. Малышев.

Родной язык мы впитали с молоком матери. Забыть его – значит предать мать родную.

Однажды сказал Фёдор Иванович Завалишин: – Дайте время, напишем и учебники мордовские. Будет у нас и своя азбука.

– Кто это, Фёдор Иванович, на блюдечке поднесёт нам мордовскую азбуку и свой алфавит? Где было видано, чтобы мордва имела свою газету, журналы и литературу на родном языке? Красивая сказка...

Завалишин ввязался в спор:

– Да я сам и напишу мордовский алфавит. А там и книги, и журналы будут на мордовском. Дело к тому идёт. Теперь каждый народ в почёте. Как бы это сказать... у нас было подвешенное

существование. Не было твёрдости под ногами. Длилось это веками. Но не будет же так до конца-краю? Придёт и наш день, вот увидите».

Летом 1920 года, после возвращения из Томска в посёлок старшего брата Александра Ивановича Завалишина и его выступления на митинге с призывом к молодёжи, в посёлке образовалась комсомольская ячейка, в первых рядах была младшая сестра Завалишиных Мария, которую избрали депутатом в станичный Совет, она же организовала избу-читальню.

Мать Фёдора Ивановича Завалишина – Акилина Капитоновна была очень набожная.

Из воспоминаний Балаева Петра Степановича, племянника Фёдора Ивановича – сына его старшей сестры Анны Ивановны Балаевой (Завалишиной):

«В 1920 году мой дядя, Фёдор Иванович Завалишин, зарегистрировал свой брак с комсомолкой Анной Фёдоровной Суркиной в сельском совете. Расписались: муж и жена. Отца и мать не послушали. Те настаивали, чтобы они в церкви обвенчались. Бывало, едет Фёдор с женой по ту сторону речки на телеге в коммуну, а мать его, наша бабка Акилина, залезет на землянку и кричит во весь голос: антихрист, безбожник, в тар-тарары, окаянная сила. Так она ругала своего сына Фёдора».

Пётр Балаев в своих воспоминаниях описал один забавный случай, который ему запомнился в детстве:

«День был жаркий, и мы с деревенскими ребятами сидели на брёвках около одного строящегося дома. Один парнишка, звали его Колька, увидел, что по улице идёт поп, и как закричит: «Глядите, идёт поп новый». Мы вскочили с брёвен – где поп новый? Видим: идёт по улице поп, мы гурьбой побежали за ним. Нам было интересно: куда же это поп идёт и к кому. Колька опять закричал: «Смотрите, поп к бабке Акилине Завалишиной идёт». В это время наша бабка вышла из хаты и увидела, что во двор заходит поп. Бабка засуетилась, давай креститься, кричит: «Анна, скорей самовар ставь». Внукам кричит: «Тащите из хаты стол и ставьте среди двора, слышите или оглохли». Бабка Акилина была у нас сильно религиозная, если мы не шли в церковь, задавала нам взбучки. По вечерам перед сном заставляла читать молитву и креститься.

Поп ходит по двору, смотрит на нас и посмеивается, подошёл ко мне, погладил по голове и руку подал. Я был так рад, чуть не скачу от радости и давай попу руку целовать. Поп мне говорит: «Аминь». Потом он подошёл к бабке Акилине, стал с ней разговаривать. Тем временем вскипел самовар, поставили его на стол, и бабка стала угощать попа. Деревенские ребяташки залезли на плетень и от любопытства рты раскрыли. Бабка не может места найти, не знает, как попу угодить.

Вдруг она заметила, что у попа около щеки верёвочка тянется, но виду не подала. Подошла сзади и как дёрнет за верёвочку, у попа борода

и сразу не понял, что же случилось. А бабка вдруг как закричит во весь голос: «Ах, ты, окаянная сила. Проваливай в тар-тарары». Схватила метлу, что недалеко стояла, и давай ею бить попа. Поп бежит вокруг стола, а за ним бабка с метлой. Тот выскочил на улицу.

Все смотрят, бабка Акилина с метлой бежит за попом и кричит на всю улицу: «Ах, ты, окаянный безбожник, антихрист, ишь, что удумал! Над матерью посмеяться!»

Люди охают, крестятся и одновременно смеются. Ай-яй, что Федька учудил, нарядился попом и домой к матери пришёл, а та приняла его за нового попа и давай угощать. Долго в Кулевцах, вспоминая этот случай, люди посмеивались».

Тем же летом 1920 года Фёдор Иванович вступил в ряды РКП (б). Оба брата Завалишиных вели агитационную работу, призывая молодёжь учиться. После агитационной работы братьев количество людей, желающих получить образование, увеличилось, но у многих не было ни обуви, ни одежды. По предложению и непосредственному участию Фёдора был проведён сбор вещей по селу. Таким образом 20 обутых и одетых ребят отправили учиться в г. Троицк.

Получилось так, что трое из семьи Завалишиных оказались в Москве практически в одно время. Скорее всего, после письма Фёдора Ивановича народному комиссару просвещения Луначарскому он был взят, как говорят, на заметку. И его, учителя мордвина-коммуниста, активного и образованного человека, выходца из деревни, в 1921 году пригласили в Москву в секцию мордовских коммунистов при ЦК РКП (б). Работая в секции, он одновременно являлся сначала корреспондентом, а потом ответственным секретарём редакции вновь созданной мордовской газеты «Якстере Теште» («Красная звезда»), вёл большую работу по развитию национальной культуры.

Участвовал в составлении первого мордовского букваря с алфавитом, перевёл несколько политических брошюр с русского на мокшанский язык. Перевёл произведение В. И. Ленина «Советская власть и положение женщины» и другие.

Собирал материалы по истории мордвы и написал «Библиографический указатель», куда включил всё, что было написано о мордве.

Под псевдонимом Сюрду-Сярдуду писал стихи, частушки, прозу и пьесы на мокшанском языке, которые печатались в мордовской газете.

Фёдор часто приходил в общежитие, где жили студенты-односельчане, вёл с ними беседы. Об этом писали в своих воспоминаниях его сестра Мария Ивановна Завалишина и Евдокия Петровна Велина, которые учились в КУТВ (коммунистическом университете трудящихся Востока, в котором студентами, в основном, была сельская молодёжь).

Наверно, и они не просто так стали студентами этого университета. В этом университете как раз и преподавал тот самый А. В. Луначарский. КУТВ

был создан в том же 1921 году, и после его открытия осенью 1921 года сестра Фёдора Ивановича – Мария Ивановна Завалишина, комсомолка и делегатка станичного Совета – в числе других была зачислена в студенты. Учиться кулевчинских девочек сподвигли братья Завалишины ещё тогда на митинге в Кулевчах в 1920 году, а когда в 1921 г открылся КУТВ, Фёдор Иванович написал об этом комсомольцам посёлка. В группе студентов готовили как партийных и советских работников для национальных номенклатур советских республик. (После окончания КУТВ Мария Ивановна шесть лет работала жен-организатором в Варненском райкоме партии. Затем окончив Свердловскую сельскохозяйственную школу, её командировали в политотдел одной МТС редактором газеты. Через семь лет, в сорок третьем году решением ЦК ВКП (б) она была направлена на пропагандистскую работу в освобождённый от гитлеровцев Солнцевский район Курской области, где проработала до выхода на пенсию. Велина Евдокия Петровна работала вторым секретарём обкома комсомола г. Саранска, а потом парторгом и директором прядильной фабрики в Москве).

В 1922 году старший брат Фёдора Ивановича – Александр Иванович Завалишин, ответственный секретарь челябинской газеты «Советская правда» – был приглашён в Москву в редакцию крестьянской газеты «Беднота», а до этого в 1921 году он был делегатом в Москве на VIII съезде Советов как член губисполкома, где встречался с Горьким.

Встречаясь в Москве, братья Завалишины делились своими мыслями и чаяниями, рассказывали друг другу о своей журналистской работе, вспоминали своих односельчан.

Как-то в разговоре с братом Фёдор Иванович упомянул о мордовских хождениях к Калинину, позже Александр Иванович с юмором описал эти похождения в рассказе «Сорок пять нацменов (национальных меньшинств)». Однажды Фёдор так эмоционально и артистично показал сценку из спектакля, поставленного им в кулевчинской школе, где одну из ролей играл учитель начальных классов, что Александр Иванович живо представил школьного учителя, а позже написал рассказ «Дожил», главным героем которого был их любимый Григорий Иванович Нагаев.

О том периоде в своих мемуарах упоминал Сибиряк (Поздьяев) Илларион Сергеевич – директор научно-исследовательского института мордовской культуры, который также в те годы учился в КУТВ и хорошо знал М. И. Завалишину и её братьев.

И. С. Сибиряк (Поздьяев) в своих мемуарах пишет:

«Постепенно в Москву начали съезжаться и другие товарищи, направленные I-м съездом и губкомами. По развёрстке ЦК РКП (б), спущенной губкомам на втором году учёбы, состав учащихся мордовской молодёжи в КУТВ расширился за счёт поступления т. т....Велиной и Завалишиной (Оренбургская губерния) .... (и далее идут перечисления студентов из разных губерний).

...Училась мордовская молодёжь и в других учебных заведениях Москвы. Мы объединились в московское землячество при КУТВ...

...Частыми посетителями общежития студентов КУТВ и мордовского землячества были братья Завалишины Фёдор и Александр...

...Вся работа землячества была связана с коллегией мордовского отдела наркомнаца (народного комиссариата по делам национальностей).

...Тогда же встретился на собраниях землячества с Ф.Я. Велиным, студентом Тимирязевки (будущим работником Госплана Мордовии).

С июня 1921 по июль 1923 года, учась в университете, я одновременно принимал участие в работе мордовского отдела наркомхоза и мордовской секции ЦК РКП (б), в частности, по изданию на мордовском языке газеты «Якстере Теште» («Красная звезда»), органа мордовской секции ЦК РКП (б) ...».

Работая в Москве, Фёдор Иванович, не теряя связь с коммунарами Кулевчинского посёлка. Пережив голодный 1921 год, собрав приличный урожай в 1922 году, коммунары решили отпраздновать окончание уборочной. Приехал в это время из Москвы Фёдор Иванович. Коммунары, воодушевлённые хорошим урожаем, говорили о перспективах коммуны, о мелиорации, постройке мельницы. Вот тогда Фёдор Иванович предложил построить такую плотину, чтобы работала не только мельница, но ещё она давала электричество.

– Надо, – говорит, – строить не только мельницу, а использовать плотину ещё и для электростанции, называется ГЭС. Коммунары загорелись этой идеей.

Он сам помогал подготовить смету расходов, чертил эскизы, подсчитывал, сколько потребуются проводов, изоляторов, столбов. Сколько надо подвод на земляные работы, и каков будет объём этой выкопанной земли. Почти полгода проканителлся Завалишин. Всё, что можно, ужимал.

В начале 1923 года откомандированные в Москву коммунары через Фёдора Ивановича Завалишина, как члена мордовской секции, попали на приём к М. И. Калинину. Хождение из глубинки Михаил Иванович встретил хорошо, и проект на плотину и мельницу был одобрен. На их постройку Госбанк СССР выделил 200 тысяч рублей, потом ещё 50 тысяч.

Из воспоминаний Марии Ивановны Завалишиной:

«В 1923 году Фёдор серьёзно заболел и был вынужден покинуть Москву. В Кулевчи он вернулся вместе с нами, выпускниками КУТВ. Приехав на родину, работал инструктором Троицкого уездного отдела народного образования, затем оформил инвалидность. Был внештатным пропагандистом. Еженедельно, в субботу, выезжал из села в коммуны на занятия в политшколу».

Пётр Балаев в своём дневнике вспоминает ещё один интересный случай, когда в коммуну прибыл первый трактор «Фордзон»:

«Была весна 1923 года, и мы с ребятами играли в лапту недалеко от церкви. Место было большое. Вдруг мы слышим, кто-то сильно кричит. Это бабка Дарья кричит. Что там с ней случилось? Она хватается за голову и охает: «Ох! Ох! Матушки, ох! Батюшки, ох! К нам в деревню чёрт катится!» Народ повыскакивал из хат. Слышим: шум, трескотня. Все охают, кричат, крестятся: «Вон, вон чёрт ползёт. – Бегут за трактором. – Ой! Ой! Что это? Четыре колеса катится по дороге, ведь это окаянная сила, но кто его толкает?» Кругом слышны голоса: «Кто толкает? Кто?» Тракторист, доехав до сельского совета, остановил трактор. Из сельсовета навстречу трактористу вышел председатель. Он, улыбаясь, обнял тракториста и говорит: «Спасибо тебе, товарищ. Какого ты нам стального коня пригнал. Это, люди добрые, ведь советская власть дала нам стального коня».

Вся деревня от большого до малого прибежала посмотреть на трактор. Из церкви на шум вышли поп с дьяконом. Поп стоит и крестится.

Всказывались старики: «Я дожил до девяноста лет, но не видел на своей жизни экою чертовщину, чтобы человек ехал на нём».

Тракторист стал объяснять людям, стоявшим около трактора, что этот конь стальной может пахать, боронить, возить молотилки.

Из коммуны приехал Фёдор Иванович Завалишин (Дядя Федя в это время, из-за болезни вернувшись из Москвы, жил в коммуне). Он поздоровался с народом, председателем и трактористом.

– А ну, мужики, давайте телегу прицепим к трактору, поедem в коммуну. Там нас ждуют, не могут дождаться.

Мужики тут же прикатили на себе телегу и прицепили к трактору.

– А ну, кто желающие? Садитесь в телегу, да не бойтесь вы.

Но желающих из взрослых было мало, а мы с ребятами сели в телегу. Тракторист завёл трактор, дым из-под трактора валит, как из трубы. Народ шархнул в сторону. Трактор рванул с места и покатился по дороге к реке, потом через речку на другой берег. По дороге мчится – поля, леса, кустарники по бокам дороги только мелькают. Вот виднеется и коммуна. Коммунары вышли встречать своего стального коня с лозунгами, знамёнами. У всех на лицах улыбки, радость. Откуда ни возьмись, заиграла гармошка, тут и пошло веселье. Ох, коммунары! Ох, мужички! Теперь у нас коммунаров вместо лошадей свой стальной конь! Теперь он, как бельмо в глазах кулаков».

Летом 1923 года рядом с коммунной им. А. В. Луначарского начала строиться вторая коммуна, и кулевчинцы обратились к Фёдору Завалишину – как назвать новое хозяйство.

– Назовём коммуну именем Мордвы. Знай наших! Пусть нас мало, а мы всё же есть. В эту коммуну «Мордва» вошёл Фёдор Иванович Завалишин вместе со своей женой.

В новой коммуне народ собрался состоятельней, преимущественно середняки. У них и постройки лучше, и инвентаря больше.

Председателем коммуны был выбран Захаров Василий Васильевич, заместителем Шишкин Михаил Алексеевич, Пётр Маклаков – хозяйственником.

В это время началось строительство плотины. На стройке работали коммунары обеих коммун, да не только они. Стройка была поистине всенародной. Кто только не работал на плотине: и кулевчинцы, и катенинцы, и владимировцы, и варненские татары, и даже кочевники-киризы. Землю таскали вёдрами, корзинами, ящиками, носилками. Возили на лошадях и волах, на верблюдах и коровах. Вокруг стройки привольно раскинулся табор. Спали под открытым небом, под телегами, в шалашах и юртах. Кое-кто успел вырыть землянки. На стройке готовили пищу в котлах и казанах, котелочках и чугунах. Ели, приглашая тех, кому было нечего варить...

Делали и обжигали кирпич, привозили и складывали на стройплощадку.

Фёдор Завалишин ходил, помогал, где надо, и подбадривал: «Сообща и чёрта можно узлом завязать». Сам думал: «Наша стройка стала обогатительной фабрикой – здесь воспитывался характер человека...» И был доволен. Оставалось за малым: выстоять и победить. При случае подначивал сомневающихся: «Мокрый воды не боится... Трудись, и рубаха высохнет на спине!»

Фёдор работал на износ, когда его спрашивали, как он всё успевает, тот привычным жестом поправлял густую шевелюру, улыбался:

– Это глаза боятся, а руки – делают.

Из воспоминаний Марии Ивановны Завалишиной:

«В январе 1924 года, когда до кулевчинцев дошла весть о смерти Ленина, несмотря на жгучий мороз и вьюгу, было многолюдно на траурном митинге. Выступая с речью о жизни и деятельности Ленина, Фёдор Иванович Завалишин призывал, собравшихся «учиться по-ленински, трудиться по-ленински, жить – по-ленински».

Стройка продолжалась почти два года, к празднованию 7 – й годовщины Октября (в 1924 году) работы были окончены. Открыли два шлюза, и вода хлынула на колесо турбины. Заработали агрегаты и генератор, от которого вспыхнула лампочка Ильича. Вот так, не входящая в план ГОЭЛРО, заработала маленькая гидроэлектростанция в коммуне мордовской станции Южного Урала.

Жизнь в коммунах стала повеселее: по вечерам собирались в один дружный кружок, охотно пели песни, особенно славилась сильными чистыми голосами мать и дочь, обе – Матрёны (Матрёна Ильинична Боровкова, в девичестве Карпова, и её дочь Матрёна Михайловна, в замужестве Велина).

Молодёжь частенько выезжала с концертами в окрестные сёла и станции, побывала даже в Троицке. Оттуда и привезли новинку – справлять комсомольские свадьбы.

В Троицке Фёдор добыл с десятком пьес, главными образом чеховских. Подготовили и охотно ставили у себя и на выездах «Хирургию», «Канитель», «Лошадиную фамилию», «Злоумышленника». Выступали с художественным чтением, песнями, плясками и частушками на местном материале – их писал хлёстко и остроумно Фёдор Завалишин. Особым успехом пользовались музыканты из струнного оркестра, состоящего из гитары, балалайки и скрипки.

Фёдору удалось через культпросветучреждение получить рояль, на котором кроме него играли и некоторые учителя.

Они исполняли старинные казачьи напевы, мордовские и русские народные песни.

В кружке нас было десятка два «артистов» в возрасте от 15 до 60 лет. Режиссёр – Фёдор Иванович – настойчиво добивался хорошего исполнения ролей на сцене, независимо от возраста.

– Искусство принадлежит народу, – внушал он. – Стало быть, для народа стараешься».

Семья Завалишиных была музыкальная. На балалайке играла Мария, на гитаре – старший брат Александр, который в детстве был певчим в церкви, а сам Фёдор играл на скрипке, а также прекрасно пел.

Фёдор Иванович вёл просветительную работу и среди населения, кроме того уделял большое внимание изучению родного края.

Последние дни своей жизни Фёдор Иванович неутомимо работал над пополнением новыми экспонатами краеведческого музея, который он организовал при клубе в коммуне.

Ещё в 1920 году вместе со школьниками старших классов он организовал раскопки курганов близ посёлка.

Из воспоминаний племянника Петра Балаева:

«Фёдор Иванович был очень разносторонний человек. Он организовал кружок, и с ребятами делал раскопки на курганах вокруг нашей деревни, где были похоронены знатные воины. Мы с ребятами ходили на эти курганы и находили при раскопках сабли, ножи, кольчуги, щиты, стрелы, золото, серебро, браслеты, стремени, мужские, женские и лошадиные черепа. Фёдор Иванович всё собирал, в клубе выделили место, где всё это было выставлено под стеклом с надписями, где и кем было найдено».

Вот как об этом пишет в 1985 г. А. А. Деревянченко в своей заметке «Младший брат» к 90-летию Фёдора Ивановича Завалишина:

«Ветераны партии Иван Михайлович Маклаков, Евдокия Петровна Велина и старейшая учительница Юлия Михайловна Велина рассказали об организации Фёдором Ивановичем Завалишиным археологических раскопок летом 1920 и 1923 годов.

Первые раскопки, в которых участвовал и старший брат, велись в 3,5 км за восточной окраиной Кулевчей. Завалишины со школьниками вскрыли древние захоронения (Шиханские курганы вдоль реки Караталы-Аят). Кстати, в 1977 году, не зная

об этих раскопках, немного дальше от них Уральско-Казахстанская археологическая экспедиция провела раскопки поселения полукочевых племён 3,5 тысячелетней давности.

Как вспоминал Иван Михайлович Маклаков, ему довелось с комсомольцами села во главе с учителем Фёдором Ивановичем Завалишиным исследовать в лето 1923 года ещё один курган за рекой, у озера Караоба. Нашли скелеты лошади и человека, сбрую, домашнюю утварь.

Найденные артефакты Ф. И. Завалишин привёз в коммуну и организовал там краеведческий музей.

Бурная просветительная деятельность сельского учителя – коммуниста раздражала кулаков. В середине двадцатых годов, чтобы свести под корень коммунаров, кулаки подожгли мельницу и музей. Остатки экспозиции Фёдор Иванович Завалишин отвёз в музей г. Троицка».

В 1925 году Фёдор Иванович перевёз семью своей старшей сестры – вдовы Анны Ивановны Балаевой (Завалишиной) – с маленькими детьми в Троицк, где работала их младшая сестра Мария Ивановна Завалишина. Родители у Завалишиных умерли в те годы, когда свирепствовали голод и холера. Фёдор болел и уже не мог помогать сестре и её детям. В Кулевчах из семьи Завалишиных оставался только Фёдор, который жил с женой Анной Фёдоровной в коммуне. Болезнь прогрессировала. 3 августа 1926 года Фёдор Иванович скончался и был погребён на кладбище в г. Троицке. Об этих событиях написал в своём дневнике его племянник Пётр Балаев, который вместе с матерью Анной Ивановной, братом и сестрой в 1925 году уезжал в Троицк.

А.А. Деревянченко в своей заметке ссылается на статью К.Т.Самородова «Талантливый зачинатель мордовской литературы» в газете «Красная Мордовия» № 180 от 11.09.1946 г.:

«Значение литературного творчества Фёдора Ивановича Завалишина состоит в том, что своими произведениями он упорно прокладывал первые шаги мокшанской литературы, отражая перемены, происходившие в жизни мордвы, боролся за процветание литературы своего народа. Используя фольклор, изобразительные и выразительные средства поэтического языка мокшанского народа, он нарисовал в первом стихотворении «Кие аварди, кие окарди» («Кто плачет, кто рыдает») тяжёлую голодную жизнь в Поволжье в 1921 году. Стихотворение заканчивается призывом помочь пострадавшим. Этой же теме о голоде того времени он посвятил стихотворение «Сиротанят» («Сироты»).

На его творчество оказал влияние поэт Демьян Бедный. Подобно ему, Фёдор Завалишин своими стихами, частушками высмеивал и отмиравший класс эксплуататоров, пережитки прошлого. В рассказах «Старик Михей» (1922), «Жена Якова» (1923) и др. он показывает, как нелегко происходит обновление послереволюционной жизни людей, насколько трудно искореняются

пережитки прошлого. На основе рассказа «Жена Якова» Ф. Завалишиным была написана одноимённая пьеса «Якувань полац» («Жена Якова»), напечатанная в 1923 году в «Якстере Тешне». С интересом был встречен его цикл очерков «Церькавьс и гсударствась» («Церковь и государство», 1922).

В своих стихах, пьесах и рассказах Фёдор Иванович Завалишин показал, как народные массы восприняли революцию, развили творческое и национальное самосознание.

До наших дней сохранились некоторые его книжки. Это рассказ «Мезень колга атясь торась коммунистть мархта» («О чем беседовал дед с коммунистом»), изданный на эрзянском и мокшанском языках и учебник «Мокшань букварь», издание 1922 года, 68 страниц. На обложке фамилия авторов: Завалишин Ф., Орхидея Д.

В мордовской республиканской библиотеке хранится пожелтевшая газета «Якстере Теште» №6 за 1921 год со статьёй журналиста Ф. И. Завалишина о зарождении мордовской письменности.

«Якстере Теште» – это колыбель национальной печати. Она проторила дорогу другим национальным изданиям, в том числе и первой мокшанской газете «Од веле», которая начала выходить в Пензе с 1924 года. Об этом с радостью сообщала «Якстере Теште» в своём номере за 18 мая 1924 года.

К счастью, сохранились и семь публикаций за 1926-1977 годы. литературных критиков и исследователей творчества нашего земляка.

Среди них ценная библиографическая справка – некролог, помещённая в газете «Од Веле» за 1926 год известным мордовским писателем Макаром Евсевьевичем Евсевьевым и очерк писателя – фронтовика Анатолия Ивановича Инчина в журнале «Мокша» №2 за 1967 год.

В мордовском книжном издательстве известный в Мордовии поэт и прозаик Михаил Моисеев показал Деревянченко А. А. учебник «Родная литература» (Хрестоматия) за 9 класс для мордовских школьников. На странице 9 напечатано 46 строк на эрзянском языке стихотворение Фёдора Завалишина «Кода эресь аштесь попась» («Как жил-был поп»). Оказывается, в Мордовии чтут и изучают творчество Кулевчинского учителя – краеведа Фёдора Ивановича Завалишина. Как поэт, он вошёл в число зачинателей и классиков мордовской литературы».

Уже после написания и готового к печати этого очерка я познакомилась с изданной в 2014 году монографией «Мордовский народ в журналистике России (XIX – начало XXI в)», автором которой является заместитель директора по межэтническим отношениям научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия Юрий Александрович Мишанин. **Ю. А. Мишанин**

упоминает в числе первых журналистов в Мордовии имя Фёдора Ивановича Завалишина:

«Начало творчества Ф. Завалишина связано с организацией и деятельностью центральной общемордовской газеты «Якстере Теште». Работая ответственным секретарём редакции, Ф. Завалишин опубликовал ряд злободневных материалов. В статье «Мокша» от 25 ноября 1921 года Фёдор Иванович просит мордовских читателей активно сотрудничать с газетой, писать о жизни на селе, о деятельности школ, смелее вскрывать недостатки. .... Его статьи, очерки, стихотворения, рассказы политически острые, отвечающие запросам времени».

В монографии Ю. А. Мишанин пишет: «Ф. И. Завалишин вошёл в историю строительства мордовской школы. Как педагог-методист, он являлся автором мокшанского букваря, изданного в 1922 году».

Ещё из монографии Ю. А. Мишанина я узнала, что Фёдор Иванович печатал свои произведения не только под псевдонимом Сюрду-Сярдю, но под другими: Мокшень цёра (Мокшанский парень), Кулевчаства мокша (Мокша из Кулевчий).

Так, с миру по нитке был собран материал о моём втором двоюродном дяде – Фёдоре Ивановиче Завалишине. Этот материал будет интересен не только для кулевчинцев и потомков семьи Завалишиных, но и для исследователей-этнографов – как вдалеке от Мордовии на Южном Урале оказался посёлок с мордовским населением, а один из его выходцев был одним из зачинателей мордовской письменности.

Из семьи Завалишиных я лично была знакома только с сёстрами: Анной Ивановной Балаевой, которая жила с семьёй в Челябинске, и Марией Ивановной Завалишиной.

В гостях у Анны Ивановны в Челябинске я была с мамой в детстве и позже, когда училась в институте. К нам в Кулевчи приезжал её сын Пётр Степанович Балаев, который написал свои воспоминания из детства.

Мария Ивановна подолгу гостила у двоюродных сестёр: моей мамы – Деревянченко Пелагеи Филипповны, Захаровой Анастасии Филипповны и Шишкиной Елизаветы Филипповны. В разговоре, конечно, вспоминали и о Фёдоре Ивановиче. Под запретом был разговор о старшем репрессированном брате Александре Ивановиче, о судьбе которого родственники долго не знали. Мы с братом были детьми и не особо прислушивались к разговорам взрослых, когда можно было из первых уст узнать многое. Хорошо знали жену Фёдора Ивановича – заслуженную учительницу нашей Кулевчинской школы – Анну Фёдоровну. Детей у Фёдора Ивановича и Анны Фёдоровны не было, но позже у неё была своя семья, дети, внуки. Сейчас общаюсь со многими потомками Завалишиных, которые с интересом ждут новых сведений из биографии своих предков.